

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора филологических наук Клинга Олега Алексеевича о диссертации С. Ю. Корниенко «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Формально поэтический дебют М. Цветаевой и М. Волошина состоялся в один год – 1910. В 1910 г. выходят первая книга стихов Цветаевой «Вечерний альбом» и первый поэтический сборник – «Стихотворения». Однако за плечами обоих творцов стоял совершенно несопоставимый жизненный и творческий опыт. Нельзя сбрасывать со счетов и их разницу в возрасте. У Волошина за плечами – публикация стихотворений, статей в самых авторитетных журналах, в том числе в «Весах». Огромный опыт работы в качестве газетного критика. Перед нами налицо коллизия «учитель и ученик», но своеобразно трансформированная. Как установила в свое время А.А. Саакянц, вопреки собственному утверждению Цветаевой о том, что рецензии Брюсова, Гумилева и Волошина на «Вечерний альбом» были для нее неожиданны, она сама отправила трем критикам первую книгу по почте, сопроводив их письмами. Эти письма сохранились в архивах поэтов. Как известно, с Брюсовым и Гумилевым, говоря цветаевским языком, *встреча* не произошла. А знакомство с Волошиным изменило в чем-то ход жизни Цветаевой – начиная от стихов и кончая знакомством в доме Волошина в Коктебеле со своим будущим мужем – С.Я. Эфроном. Во многом именно Волошин оказал решающее влияние на самоопределение Цветаевой, которая, казалось бы, была вне школ и направлений, Она уверяла, что не знала влияний. Но они были. И Волошин, особняком стоявший в культуре модерна начала XX века, дал один из решающих толчков в поисках Цветаевой своего места в культуре того времени.

Актуальность исследования. В основе диссертационного исследования лежат теоретические представления о взаимодействии «младших» и «старших»

поэтов, механизмах «перечитывания», изложенные в теоретических трудах Х. Блума. В этой оптике, адаптированной исследовательницей к культуре русского модернизма, рассматриваются фигуры М. Волошина и М. Цветаевой. Кроме того работа вписывается в контекст современных исследований, посвященных метапоэтике, а также изучению автореферентного и дискурсивного уровней текста (В. Б. Зусева-Озканд, Н. Ю. Грякалова и др).

Научная новизна исследования. Новизна диссертационного исследования связана с тем, что монографическим объектом изучения стала проблема самоопределения и связанной с ней метадискурсивности в контексте поэтического диалога Цветаевой и Волошина. Для восстановления культурного и политического эпохи, на фоне которой рассматриваются фигуры Цветаевой и Волошина, привлекается большой объем периодики, среди которой особо выделяются находки исследователя – фельетоны А. Яблоновского, впервые введенные в научный оборот, а также обширный архивный материал.

Материал диссертации. В диссертации Светланы Юрьевны Корниенко представлен не только полный корпус текстов Марины Цветаевой и Максимилиана Волошина, но и широкий контекст эпохи – от символистов до деятелей культуры русского зарубежья.

Методологическая база работы основана на синтезе классических методов анализа (историко-литературного, структурно-семиотического, структурно-типологического) с неклассическими – прежде всего дискурсивным и феноменологическим. Богатый историко-литературный материал, привлеченный исследователем, позволяет подтвердить теоретическую идею исследования.

Структура работы достаточно логична. Первая глава работы «"Круг чтения" и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин» посвящена кругу чтения юной Цветаевой – от Беттины фон Арним до старших современников – Г. Манна и А. де Ренье, осмыслению момента вхождения в литературу в мемуарах поэта. Во второй главе «Ложные воспоминания в автометадискурсе Цветаевой» изучаются вымышленные автором эпизоды цветаевских мемуаров. Третья глава «Максимилиан Волошин:

путешествие как обретение идентичности» посвящена вхождению в литературу молодого М. Волошина, здесь же указываются источники литературно-художественного образа Коктебеля, как в поэтике Волошина, так и его ученицы – юной Цветаевой. В четвертой главе «Ролевая идентичность и самоопределение человека модерна» диссертантка обращается к культурным личностям, трансформированным Цветаевой в процессе интерпретации (Казанова, Пушкин, Пруст).

Введение соответствует требованиям, предъявляемым к этой части работы, в нем представлена история вопроса и современное состояние, указаны источники текста «Живое о живом», обосновывается актуальность, научная новизна исследования, его цели и задачи, материал, методы, теоретическая и практическая значимость, апробация результатов работы.

Первая глава «“Круг чтения” и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин» выстроена вокруг цветаевской рефлексии вокруг вхождения в литературу. Как указывает диссертантка, такой «момент личной цветаевской биографии – вхождение поэта в литературу, фактически рождение поэта в мир – определяет особую значимость и аспектированную соотнесенность «мифа о Максе» с собственным поэтическим мифом: «Максу Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном и суровом Коктебеле (близ Феодосии)»» (с. 26 работы).

Раздел 1.1. «*Байронический vs. пушкинский поэтический код в структуре авторского мифа М. Цветаевой*» посвящен цветаевской рефлексии на тему байронической и пушкинской модели самоопределения. Действительно, байронический сюжет, как указывает С. Ю. Корниенко, проговаривался юной Цветаевой в качестве невозможного в ее авторской судьбе, но именно он будет реализован в судьбе Черубины де Габриак. Исследователь предполагает, что наделение Черубины «комплексом авторских черт, превращение ее в собственного личностного двойника, реализовавшего в своей пародически-байронической судьбе желанный для юной Цветаевой, но не случившийся сюжет

«утра славы» – мгновенного вхождения в литературу, принятия литературной корпорацией, позволяет автору эссе отрефлексировать поле возможностей, открывавшихся перед ней в 1910 г.» (с. 14 автореферата). Сравнение имеющихся документальных источников 1910-х гг. с рефлексией вхождения в литературу в мемуаристике позволяет диссертантке сделать вывод об утрированности, как в «Герое труда» (1925), так и в «Живое о живом» (1932–1933), представления собственного литературного поведения.

Раздел 1.2. «*Беттинин сюжет в цветаевском самоопределении*» обращен к фигуре Беттины фон Арним, чья книга «Переписка Гете с ребенком» относилась к активному кругу чтения юной Цветаевой. Диссертантка отмечает образцовый характер пары Беттина и Гете по отношению к поведенческим стратегиям молодой Цветаевой, где инициатором является «младший поэт», а целью – любовное подчинение старшего поэта. Раздел 1.3. «*Анри де Ренье – в круге чтения М. Цветаевой*» посвящен сюжету обмена книгами в цветаевской мемуаристике. Диссертантка рассматривает этот сюжет в контексте культурной парадигмы 1910-х гг., привлекая соответствующую периодику, делая вывод о том, что организация чтения, расширение через него культурных горизонтов, способствующее свободному самоопределению в культуре, относится к традиционным «ходам» со стороны наставника в таком сценарии отношений.

Оригинальным этот раздел диссертации становится за счет привлечения журнального контекста эпохи. Прежде всего журнала «Аполлон», в котором тема детского и женского творчества была ведущей в 1909-м году, накануне цветаевского дебюта. Культивируемый Цветаевой образ вполне вписывается в апологию женского и детского творчества, разрабатываемого журналом «Аполлон» накануне ее поэтического дебюта. Диссертантка подробно рассматривает статьи М. Волошина, Л. Бакста, И. Анненского, делая выводы о типологическом совпадении лирического «я» героини «Вечернего альбома» с решением этой темы ведущими критиками журнала и одновременно – об общем несовпадении с «аполлонической» программой журнала.

В разделе 1.4. «*Анри де Ренье vs. Генрих Манн – ошибочное и утаенное чтение*» диссертантка обращается к модернистской рефлексии этих персон и дискуссии вокруг феномена неоромантизма в критике 1910-х гг., изучается рецепция образа А. де Ренье в журнале «Аполлон», значение этой фигуры в самоопределении М. Волошина. В разделе 1.5. «*Анри де Ренье и пушкинский канон*» диссертант исследует роль фигуры А. де Ренье в формировании «пушкинского» канона, обращаясь изначально к материалу критики 1910-х гг., а затем эмиграции. С точки зрения исследователя, пушкинская мифологема Цветаевой «выстраивается на генетически «дионисийско-протеистической» составляющей поэтической самоидентификации, полемически противопоставленной статуарному «академическому» / «аполлоническому» Пушкину» (с. 101 диссертации). Основным выводом 1 главы становится тезис, что история с отвержением произведений Анри де Ренье «нужна уже зрелой Цветаевой в контексте поэтического самоопределения для легитимизации своих прав на пушкинское наследство и особое место в культуре» (с. 105 диссертации).

Во второй главе «*Ложные воспоминания в автометадискурсе М. Цветаевой (“Живое о живом”)*» диссертантка исследует вымышленные и ошибочные воспоминания в цветаевских мемуарах. Вторая глава исследования концентрируется вокруг комментария к вымышленному эпизоду «Живого о живом», в котором Волошин предлагал юной Цветаевой поучаствовать в очередной мистификации под маской «поэта Петухова», пишущего «стихи о России», заполучив таким способом власть над критиками, прежде всего В. Брюсовым и А. Яблоновским.

В разделе 2.1. «*Брюсов напишет статью...*» изучаются «стихи о России» / русский стиль в доэмигранском творчестве Цветаевой, а также рефлексия на эту тему в поздних эссе. Для воссоздания культурного контекста анализируется актуальная для Цветаевой периодика начала XX в., а также творчество поэтов-современников.

Подраздел 2.1.1. «*Дискуссия о «русском стиле» в критике 1910-х – нач. 1920-х гг.*» посвящен рецепции раннего творчества Цветаевой в модернистской

критике. Изучение критической продукции 1910-х гг. позволяет диссертантке сделать вывод о том, что образ мэтра символизма имеет мало общего с биографическим Брюсовым. Рецепция Брюсовым творчества Цветаевой рассматривается на фоне его рецензий, обращенных к ее современникам (Н. Клюеву, К. Бальмонту, С. Городецкому и др.).

Подраздел 2.1.2. «*"Грешница на исповеди в Госиздате"*: М. Цветаева в ранней советской критике» посвящен критической рецепции книги стихов «Версты. Вып. 1» (1922), новым аспектом становится взаимоотношение поэта с Госиздатом, а также роль издания цветаевских книг в изменении редакционной политики издательства. Подраздел 2.1.3. «*"Внутренний город"* М. Цветаевой в оценках О. Мандельштама и критики русского зарубежья» строится вокруг причины отторжения цветаевской Москвы Мандельштамом-критиком. Как отмечает исследователь, в статье О. Мандельштама «Литературная Москва» речь все-таки идет не об отдельных посвященных ему стихотворениях давнего периода «дарения» Москвы, а о поэтическом сборнике в целом, тематически названном Мандельштамом «стихами о России» (с. 174 диссертации). Интересен игровой подраздел 2.1.4. «*А хороший был бы Петухов поэт...*», в котором диссертантка выявляет автобиографический источник поэта Петухова.

Раздел 2.2. «*Яблоновский напишет статью...*» посвящен приезду поэта М. Цветаевой и журналиста А. Яблоновского, истории их столкновений и гротескного отражения этой ситуации в «Живое о живом». Сильной стороной этого раздела становится привлечение периодики русского зарубежья, связанной с Зарубежным съездом 1926 года, а также анализ двух фельетонов Яблоновского – «Дамский каприз» и «Хвост писателя», найденных исследовательницей и введенных в научный оборот. Подраздел 2.2.1. «*Зарубежный съезд – 1926: самоопределение фельетониста*» посвящен А. Яблоновскому как писателю и журналисту, его эмигрантскому самоопределению. Комплекс литературных фактов, проанализированный диссертанткой, позволяет ей «хронологически отвести момент «встречи» Цветаевой и Яблоновского от цветаевского

семнадцатилетия и предположить, что включение в речь друга предложения «прельстить» Яблоновского миражом Петухова становится формой смехового преодоления более поздней истории» (с. 239). Подраздел 2.2.2. «*М. Цветаева и парижские литературно-политические корпорации*» посвящен литературному и политическому самоопределению М. Цветаевой в момент приезда в Париж, делается вывод о пародийности фигуры А. Яблоновского.

Третья глава «*Максимилиан Волошин: путешествие как обретение идентичности*» посвящается юному М. Волошину, значению путешествий в его самоопределении. В разделе 3.1. «*Италия в самоопределении М. Волошина*» диссертантка сравнивает волошинский «Журнал путешествия» (1900) с путевыми дневниками И. Гете и Г. Гейне и делает убедительный вывод о том, что «для Гете – эстетической «подпиткой» собственного иссякающего творчества становится «аборигенская», оставшаяся в текстовых и природных (пейзаж и руины) артефактах, эллинская культура. Волошин же скорее склонен соотносить себя с путешествующими иностранцами, жившими в более близкую эпоху, – с Гете, Гейне и Шелли» (с. 303 диссертации).

Раздел 3.2. «*Рим М. Волошина: рождение поэта*» посвящается образу волошинского Рима, представшего для Волошина в виде «формулы творчества». Раздел 3.3. «*Неаполь и Коктебель в самоопределении М. Волошина*» посвящен осмыслению Неаполя в проекции к родному коктебельскому пространству, а также значению для Цветаевой волошинского Коктебеля.

Четвертая глава диссертационного сочинения «*Ролевая идентичность и самоопределение человека модерна*» обращена к историческим и культурным личностям, ставшим для Цветаевой фигурами автореференции. В разделе 4.1. «*Казанова в самоопределении М. Цветаевой*» показано как был изменен образ Казановы в цветаевской драматургии (по сравнению с оригинальными мемуарами). Раздел 4.2. «*Татьянин сюжет*» в поэтической мифологии Марины Цветаевой» посвящен источникам цветаевской редакции пушкинского мифа. В логике автора исследования образ пушкинской Татьяны Лариной трансформируется Цветаевой по сходной со знаменитым авантюристом модели.

Раздел «4.3. Пруст и Пушкин: аспекты авторского самоопределения» посвящен фигуре М. Пруста и знаменитому выступлению поэта на заседании «Франко-русской литературной студии», которое впервые было рассмотрено в контексте всей дискуссии. Автор диссертации убедительно демонстрирует цветаевские автопроекции (формула «искусство – большой ответ») и проявляет пушкинские аллюзии в образе цветаевского Пруста. В финале главы делается вывод: «Однако в случае встречи с сильным автором этот образец (Казанова, Пушкин, и только проходящий процесс канонизации Пруст) начинает деконструироваться, обрастать новыми, часто противоположными культурному стереотипу коннотатами. Кроме того, может измениться наполнение авторского канона – набора образцовых текстов, зафиксированных в культуре» (с. 388 диссертации).

В Заключении диссертации делаются выводы о характере цветаевского письма, его автогенеалогичности, художественном характере ее мемуарных очерков, определяются перспективы дальнейших исследований.

Можно сделать предварительный вывод: диссертации С. Ю. Корниенко «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева» – серьезное, перспективное исследование. Органичное и завершенное. Тем не менее есть некоторые вопросы, которые не столько замечания, сколько размышления по поводу.

На стр. 51 автор диссертации очень глубоко и концептуально рассматривает отношения Цветаевой и Брюсова. Открытием является погружение взаимоотношений двух поэтов в байроновский контекст: «Узнаваемость ситуации как байронической достигается за счет реинтерпретации брюсовского отзыва, совершенно не соответствующего горизонту ожидания Цветаевой, ждущей либо разгромного отзыва, либо абсолютного признания юного триумфатора. Превращение «приятностей» в вытесняемое «слепое пятно», на фоне которого демонстрируется негативная актуализация изначально доброжелательных пожеланий Брюсова, выделившего из ряда других «несомненно талантливую Марину Цветаеву», – все-таки позволяет Цветаевой совершить попытку вхождения в литературу через низвержение классиков» (с.

51). Следует отметить, что автор объективно рассматривает эту коллизию, не вставая, как это нередко бывает у других исследователей лишь на цветаевскую сторону. Тем не менее хочется отметить, что в названии очерка-эпитафии о Брюсове «Герой труда» отразится определение, данное ей своему отцу – И.В. Цветаеву. Так что семантика словосочетания «герой труда» и цветаевской отношение к Брюсову с годами стали не столь однозначны.

На стр. 299 читаем: «Несомненно, нахождение в форватере «путешествий поэтов» – с одной стороны, и абсолютная самостоятельность пути – с другой, играют важную роль в самоопределении Волошина, ищущего свой, особенный путь вхождения в Италию и в поэзию; совпадение этого пути с «народным путем» – путем «германских паломников» – отсылает нас к только еще зарождающемуся «младшему символизму», одним из голосов которого станет Максимилиан Волошин, с его, восходящей к немецкому романтизму, эстетической теорией «народности» (с. 299). Хотелось бы более развернутого объяснения темы «Волошин и младосимволизм». Здесь это сделано слишком бегло. Следует признать, что это не главная тема в диссертации С.Ю. Корниенко.

И еще один вопрос. Последний. По стр. 368: «Модернистская парадигма открывает возможность объективации в процессе чтения и сопутствующего ему поэтапного «присвоения» → «дописывания» → «исправления». Путь «объективации» как «исправления» пушкинского текста – основная тактика чтения Цветаевой. Сюжетогенным фактором пушкинского текста, объективированным в «Моем Пушкине», становится концепт «невозможной любви» – цветаевский интерпретант любовного сюжета «Онегина» (с. 370). В этой цитате отразилось одна сторона цветаевской пушкинианы – субъективное, на уровне деконструкции текста. Однако у Цветаевой-пушкинистки есть и объективное начало. На ее счету немало научных открытий. Например, в связи с «Капитанской дочкой»: о том, что дает читателям повествование от лица героя. Мне кажется, что и в интерпретации «Евгения Онегина» есть объективные открытия.

Однако эти вопросы ни в коей мере не влияют на высокую оценку диссертации С. Ю. Корниенко «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева».

Автореферат и публикации (33 работы, в том числе одна монография и два учебных пособия) отражают содержание диссертации. Произведенный нами анализ работы и приведенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что рецензируемое диссертационное исследование Корниенко Светланы Юрьевны «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева», представленное к защите, соответствует основным критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9–14), а его автор, Светлана Юрьевна Корниенко, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

1 февраля 2016 г.

Клинг Олег Алексеевич

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой теории литературы
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Место работы:

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация,
Москва, Ленинские горы, 1.
Рабочий телефон: 84959393248.
e-mail: okling@yandex.ru